

якім не хапае ўмення нагадваць аб сваіх правах і прывілеях, так і па віне ўлады, якая непадрыхтаваная яшчэ да таго, каб лічыцца з галасам іншых.

Такім чынам, культурная палітыка фарміруецца шляхам узаемадзеяння разнастайных суб'ектаў. Іх можна аб'яднаць у дзве асноўныя падгрупы: 1) дзяржаўныя структуры і 2) прыватныя асобы, саюзы і арганізацыі. Зразумела, што ўсе яны характарызуюцца розным узроўнем адказнасці, наборам правоў і абавязкаў, неаднолькавай здольнасцю да мэтанакіраваных дзеянняў па рэалізацыі сваіх магчымасцей.

Пры гэтым у кожнага з гэтых суб'ектаў сваё разуменне аб'екта. Для дзяржаўнай улады (як заканадаўчай, так і выканаўчай) гэта перад усім "мастацкая сфера", якая абмежавана непрыбыткавай сферай, дакладна падзеленай на сектары, са сваёй інфраструктурай. На патрэбы гэтай сферы арыентуецца заканадаўства.

Для грамадзянскай супольнасці аб'ектам культурнай палітыкі з'яўляецца культура як спосаб жыцця, без асаблівага падзелу на "высокую" і "нізкую", "нацыянальную" і "чужую".

Палітыка, якая выпрацавана на аснове рэальнага партнёрства паміж дзяржаўнымі структурамі, работнікамі культуры і шырокімі масамі грамадства, мае вялікія шансы на поспех, бо

яна нарадзілася ў выніку адкрытага абмеркавання і дыялогу, у цесным супрацоўніцтве з прафесіяналамі. Яе мэты і больш блізкія інтарэсам грамадства, а задачы грунтуюцца зыходзячы з рэальных уяўленняў аб існуючых запатрабаваннях.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Культурная політика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. – Сборник материалов. – М.: "Издательство Либерей", 2002. – 276 с.
2. Benett T., Mercer C. Improving research and international cooperation for cultural policy. – **Sidney**: Australian key centre for cultural and Media policy, 1999. – 78 p.
3. Клиш Д. Культура, управление и регулирование // Культурология от прошлого к будущему. – М.: Российский институт культурологии, 2002. – С.270 - 279.
4. Fischer R. Introduction to the Position of Independent or Quasi Independent Agencies & Foundations in Cultural Sector in Britain. – A report to the CIRCLE Round Table, Budapest, March, 1994. – 210 p.
5. Mandi Sajmon. Cultural policy – a short guide. – Strasbourg: Council of Europe, 2000. – 70 p.

УДК 159.9:001

Ботух Л.М.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время особый интерес наук о человеке связан с осмыслением роли религии в нашей жизни. В нашем обществе впервые сложилась весьма оригинальная ситуация, когда и Светлый День Христова Воскресения – Пасха, и праздник ее отрицающий – 7-е ноября, отмечаются как официальные государственные торжества, равным образом вызывающие гражданский энтузиазм. Тем не менее, процесс массового религиозного выбора просвещенного, scientisticки ориентированного, имеющего, по меньшей мере среднее образование (о всеобщности которого декларировалось уже в 70-е годы) гражданина в начале III-го тысячелетия, объявленного эпохой сверхновых технологий и неограниченных возможностей коммуникации, до конца не прояснен. Особые проблемы возникли на уровне психологического анализа проблемы. На этот факт указывают, например, Самыгин С.И. и соавторы: «наиболее слабым звеном в системе комплексного изучения религий в настоящее время является психология (за исключением исследований, основанных на применении психоаналитических методов), несмотря на то, что растущий интерес к мистике и другим формам религиозного опыта служит стимулом к накоплению эмпирических данных» [1, с.68]. Об этом же факте свидетельствует и количественный контент-анализ, проведенный нами в связи с поиском определения такого фундаментального понятия, как «вера» в психологических изданиях учебного характера. Оказалось, что такие популярные учебники и учебные пособия, как: Психология. Учебник для гуманитарных вузов/ Под общ. ред. В.Н.Дружинина (2001); Основы психологии. Столяренко Л.Д. (2001); Общая психология. Еникеев М.И. (2000); Психология. Общие основы т.1. Немов Р.С. (2000); Психология эмоций. Э.Кэррол /пер. с англ.-2000; Психология. Комплексный подход/Под ред. М.Айзенка - пер. с англ. – 2002; Психология развития. Г.Крэйг/пер. с англ. – 2000; Социальная психология. Д.Майерс/пер. с англ. – 2000. – не содержат ни единого упоминания (тем более попытки определения) такого понятия, как «вера».

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ

Данную ситуацию, на наш взгляд, объясняет достаточно глубокий методологический кризис, который переживает современная психология. Старая естественнонаучная парадигма постепенно уходит в прошлое, но новая, более соответствующая постмодернистской эпохе с её поливариантностью, плюрализмом и множественностью оснований, ещё окончательно не укрепились. Психология же религии имеет дело с весьма специфическим предметом, а именно религиозным сознанием. Религиозное сознание, в свою очередь, определяется как таковое наличием религиозности, то есть положительной связи с трансцендентным (в терминологии И.Канта) или нуминозным (в терминологии Р. Отто) объектом. Так как естественнонаучная парадигма а priori отрицает существование подобного объекта, то совершенно логично, что она характеризует религиозное сознание как болезненное (невроз) или, в лучшем случае, как некоторое недоразвитие абстрактного мышления. Эту точку зрения весьма характеризуют и названия многочисленных академических работ в области религии, звучавших примерно как «Психология религии и пути её преодоления». Наиболее ярким представителем такого подхода к религии выступил, в свое время, З. Фрейд, который определял религиозное сознание как инфантильное, фиксированное на третьей стадии развития, а именно на переживании Эдипова комплекса. Однако уже в рамках психоаналитической концепции возникла оппозиция Фрейду. Так, его ученик К.Г. Юнг заявил, что не религия является неврозом и общими расстройствами психической сферы личности. Юнг писал: «У человека можно, конечно, отнять его богов, но только, если дать ему других» [2, с. 36].

Тем не менее, несмотря на столь различные взгляды на религию, в психологии уже давно существует область исследований, которая привлекает различно ориентированных ученых. Её, как и множество других проблем психологии рели-

Ботух Лариса Михайловна, преподаватель каф. психологии развития Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, аспирантка каф. психологии заочной формы обучения Академии последипломного образования. Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

гии, обозначил ещё У. Джемс в своем не утерявшем актуальность труде «Многообразие религиозного опыта». Речь идет о проблеме «обращения» (термин Джемса). Под «обращением» (возрождение, обретение благодати, достижение внутреннего мира) Джемс понимал «медленный или внезапный процесс, которым раздвоенная и сознающая себя несчастной душа, приходит к внутреннему объединению, к сознанию своей праведности и к ощущению счастья» [3, с. 157]. Исходя из исследованных им случаев, Джемс делает вывод о двояком пути «обращения». Он может быть длительным, волевым: таковы были обращения Св.Августина и Л.Н. Толстого. Впрочем, процесс обращения у Толстого, согласно психологическому анализу Джемса, так и не завершился моментом «озарения» или, в современной терминологии, «инсайта». Но этот процесс может быть и мгновенным, внезапным. Джемс указывает, что наиболее часто такие мгновенные обращения бывают в традиции Протестантизма. И действительно, совершенно поразительным, но не указанным Джемсом, является случай обращения Эммануила Сведенборга. В предисловии к его самому знаменитому труду «Тайны неба», читаем: «Э.Сведенборг проложил в истории европейского религиозного сознания след настолько глубокий и выразительный, что, пожалуй, невозможно найти аналоги, сравнимые по масштабам с этим явлением. Его учение продолжает оказывать явное или скрытое влияние на умы мыслителей, ученых, поэтов, целые религиозные школы и философские направления... В. Гете, В. Соловьев, М. Лермонтов, А. Белый, Д. Андреев, Борхес и др. – находились под его влиянием» [4, с. 4]. Особо следует отметить, что к моменту своего обращения на 56-м году жизни в ночь с 6 на 7 апреля 1744г., Сведенборг был членом почти всех европейских академий наук, а также членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук. Он много и успешно работал в области математики, механики, химии, философии, то есть был для своего времени одним из наиболее образованных людей Европы. Сам этот факт указывает на ещё один интересный объект исследований психологии религии, а именно проблему изучения религиозности научной элиты, которая давно и успешно реализуется в США, а у нас, по вполне понятным причинам, эта тема не разрабатывалась вообще. Ведь ещё совсем недавно слова «ученый» и «религия» были словами-антиподами. Тем не менее, и в советской науке проблема эта существовала. Об этом свидетельствует пример жизни выдающегося советского физика, академика РАН, профессора МФТИ, действительного члена Международной Академии астронавтики, Раушенбаха Б.В., пережившего собственное обращение и великолепно описавшего свой личный опыт в книгах «Пристрастие» (1997) и «P.S. Постскрипtum» (1999). Правда, опыт Раушенбаха относится по своим психологическим характеристикам скорее к опыту интеллектуально-этического усилия (о котором писал Мераб Мамардашвили), чем к явно мистическому опыту, представленному случаем Сведенборга. Тем не менее, всё это «обращения», причем максимально образованных людей. К сожалению, рамки статьи не позволяют нам развить тему «ученые и религия» в полном объеме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать наличие трех вариантов «обращения», как трех путей становления религиозности:

1. Самый грандиозный – путь мистических озарений: Э. Сведенборг, Я. Бёме – лицезрение и личное общение с Самим Господом – Иисусом Христом; трехдневная медитация Гоатамы Сидхарти, ставшего в результате Буддой; чудесное путешествие Моххамеда, ставшего пророком Ислама; открытие Яхве в пылающем кусте Моисею, приведшее к Синайской проповеди.
2. Путь страдания. Пожалуй, в русскоязычном контексте наиболее разработанный Ф.М. Достоевским. Как известно, Достоевский считал страдание единственным источником сознания, что гениально выразил в своей повести,

ставшей философским кредо мыслителя – «Записки из подполья». Кроме того, всех своих главных героев Достоевский повел путем страдания, путем расширения сознания, через опыт имманентного переживания зла, который привел их на путь своеобразной свободы, так и не признавшей и не познавшей системы высших ценностей и смыслов – целей служения, под которыми Достоевский однозначно понимал признание Христа, как единственного пути спасения. В своих произведениях он исключительно точно представил психологический анализ сознания современного ему человека – человека, бесконечно верящего в свой разум (пик Модерна).

3. Обозначил еще И. Кант: «Я ограничил разум, чтобы дать место вере». Вполне в духе великого философа, Мераб Мамардашвили (который и является последовательным кантианцем) утверждаем моральную основу человеческого сознания. Для понимания этой идеи он предлагает принцип «трех К»: первое К – де Карт: «Мир таков, что в любой данный момент в нем может что-то случиться только с моим участием»; второе К – Кант: «Человек не только может, но и должен участвовать в строении мира, именно потому, что он это может»; третье – осуществление акта сознания приводит к необходимости усилия, имеющего единую нравственно-интеллектуальную природу. Вне усилия нет человека как личности. Быть человеком – значит быть моральным, значит жить постоянным усилием сознания. Поэтому, если человек не делает того, на что он способен, он не может состояться – возникает, по выражению Мамардашвили, «черная дыра», и все неизбежно заполняется нигилизмом. В конце концов, наступает расчеловечивание – Кафка.

Феномен расчеловечивания или «ложного сознания» (термин Мамардашвили) достаточно хорошо описан в современной литературе, например у Достоевского, а также в трудах философов экзистенциального направления. В целом, как нам представляется, ситуация «черной дыры» может быть сопоставима с так называемой «пограничной ситуацией». Однако нам представляется более уместным термин «мораторий», введенный в 1980 году Джемсом Марсиа и обозначающий «статус идентичности тех, кто находится в разгаре кризиса самоопределения» [5, с.606]. Собственно попадание в ситуацию экзистенциального вакуума и является, по видимому, ситуацией поиска новой идентичности. Мораторий же, как известно, проходит «с обострениями». Именно «духовными обострениями» и назвал эти кризисы Станислав Гроф в книге «Психология будущего. Уроки современных исследований сознания». Одним из вариантов «духовных обострений» Гроф считает и пристрастие к алкоголю и наркотикам, так как психические состояния, полученные с их помощью, позволяют хотя бы частично достигать некоторого чувства целостности и полноты жизни. При этом Гроф ссылается на У. Джемса, который писал: «Влияние алкоголя на род человеческий, без сомнения, объясняется его свойствами возбуждать мистические способности человеческого естества, обычно придавленные к земле холодными фактами и критической рассудочностью. Трезвость умаляет, проявляет беспристрастие и запрещает, хмель расширяет, объединяет и разрешает» [6, с. 217]. Поэтому лучший выход для страдающего таким образом человека Джемс видел в: «Лучшее лечение для дипсомании (устаревший термин алкоголизма) – религиозномания». Таким образом, психологи отмечают, что на малоосознаваемом уровне реагирования, человек может попытаться утолить духовную жажду различными рода суррогатами, псевдомистическими состояниями, что и будет дорогой в «расчеловечивание».

В случае же успешного осуществления интеллектуально-этического усилия, человек оказывается способным перейти на более высокий уровень сознания, который Гроф определяет как «холодотропные состояния сознания», в которых оказывается возможным установление личной, положительной связи с нуминозным объектом. Однако, оказывается, что переда-

ча опыта этого состояния в рамках обычной, прямой коммуникации невозможно и описывается только как «невыразимый». Тем не менее, в рамках, так называемой, непрямой коммуникации, он (опыт) вполне выразим. Разработка метода «непрямой коммуникации» принадлежит профессору Н.Л. Мухелишвили [7]. Основываясь на труде М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание» и на введенном ими различии между понятиями «символ» и «знак», Мухелишвили указывает на притчу, как на возможность передачи символического сообщения, никогда не имеющего конкретного содержания (способность к передаче конкретных содержаний, по мнению авторов, имеют знаковые системы). Символические же коммуникации несут только ориентировочную нагрузку, т.е. перестраивают сознание для переосмысления ситуации, давая возможность посмотреть на них с совершенно другой точки зрения. Осмелимся предположить, что в этом и заключается смысл Евангельских речей Иисуса Христа, который, как известно, изъяснялся притчами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Самыгин, С.И.** Религиоведение: социология и психология религии / С.И. Самыгин, В.И. Ничипуренко, И.Н. Полонская. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
2. **Юнг, К.Г.** Современность и будущее / К.Г. Юнг. - Минск: Университетское, 1992.
3. **Джемс, У.** Многообразие религиозного опыта / У. Джемс. - СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
4. **Сведенборг, Э.** Тайны неба / Э. Сведенборг. - Киев: Преса України, Пор-Рояль, 1993.
5. **Крайг, Г.** Психология развития / Г. Крайг. - СПб.: Питер, 2000.
6. **Гроф, С.** Психология будущего. Уроки современных исследований сознания / С. Гроф. - М.: АСТ, 2003.
7. **Мухелишвили, Н.Л.** Психология отношения к нумеральному (личностные предпосылки религиозного опыта): автореф. ...дис. д-ра психол. наук : 19.00.01 / Н.Л. Мухелишвили. - М., 1994.

УДК 902/904(476)

Сінчук І.І., Філонаў Б.А.

АРХЕАЛАГІЧНАЕ ШКЛО З РАСКОПАК 1989 г. КАЛЯ КАСЦЕЛА СТАНІСЛАВА ў г. МАГІЛЁВЕ

Мал. 1. Раскоп 1989 г. каля касцела Станіслава ў г.Магілеве

Раскопкі каля помніка архітэктурны 18 ст. касцела Станіслава ў г. Магілеве вяліся на працягу 1987-89 гг. У 1987 г. зроблены незначныя разведаныя работы, а ў 1988-89 гг. ускрыта 308 м², з якіх 280 м² прыпала на раскоп на месцы маючай быць прыбудовы да кляштарнага корпуса. Частка раскопа, якая выканана ў 1988 г., ускрыла былы працяг кляштарнага корпуса (68 м²). У 1989 г. уся плошча раскопа (212 м²) прышлася па-за межамі былых пабудов на даволі роўную пляцоўку, што дало магчымасць вывучаць стратыграфічнае размеркаванне рэчаў непасрэдна паводле іх размярвання ў гарызантальных пластах.

Сабраная калекцыя шкляных вырабаў прыцягнула ўвагу аўтараў, бо адчуваецца пэўны дэфіцыт археалагічных і хімікатэчналагічных распрацовак па шкляным вырабам канца 16 – 19 ст. Аўтары не ставілі мэтай тэрэтычныя абагульненні, задача была больш сціплай – апісанне археалагічнага шкла, якое знойдзена ў адной з кропак старога Магілёва –невялікім раскопе каля касцёла Станіслава. Насычанасць шклянымі вырабамі ў культурным слаі каля помніка складае каля 3,5 фрагментаў на квадратны метр, у 1989 г. сабрана 733 фрагмента шкляных вырабаў, што складае 70% усех знаходак археалагічнага шкла каля помніка.

Філонаў Браніслаў Алімпіевіч, старшы навуковы супрацоўнік НДІ ФХП БДУ.